

РОССИЯ В
МЕМУАРАХ

Новое
Литературное
Обозрение

Немецкие предприниматели в Москве

Воспоминания

Новое
Литературное
Обозрение

Москва, 2023

УДК 94(47+57)«189/191»
ББК 63.3(2)53
Н50

Серия выходит под редакцией
А. И. Рейтблата

Перевод с немецкого воспоминаний Г. Шписа *Р. С. Эйвадиса*,
воспоминаний В. Марка *Н. А. Зоркой*
и воспоминаний А. Ценкера *Н. Н. Федоровой*

Н50 Немецкие предприниматели в Москве: Воспоминания / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Сартора; перевод с немецкого Р. С. Эйвадиса, Н. А. Зоркой, Н. Н. Федоровой. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 528 с. (Серия «Россия в мемуарах»)

ISBN 978-5-4448-2158-9

В XVIII–XIX веках немецкие предприниматели активно переселялись в Россию. Уезжая из Германии, где торговля была осложнена раздробленностью страны, одни из них надеялись поправить дела, которые на родине шли не очень успешно, а другие — увеличить капитал. Сборник, составленный немецким историком Вольфгангом Сартором, содержит воспоминания трех московских предпринимателей немецкого происхождения (Георга Шписа (1861–1926), Вальтера Марка (1873–1950) и Андреаса Ценкера (1855–1928)) о жизни немецкой колонии в Москве, о немецких фирмах, существовавших там, и их руководителях, об их контактах с русскими предпринимателями, администраторами и деятелями культуры. Мемуары содержат как общие наблюдения за условиями предпринимательской деятельности в России, так и частные замечания о нравах и обычаях россиян. Герои книги описывают и конкретные события от коронации Николая II и давки на Ходынском поле до Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде в 1896 году и немецких погромов в 1914-м. Вольфганг Сартор — историк, независимый исследователь.

УДК 94(47+57)«189/191»
ББК 63.3(2)53

В оформлении обложки использован рисунок торговой марки Vogue и фрагменты фотографий из собрания В. Сартора.

- © В. Сартор, сост., вступ. статья и комментарии, 2023
- © Р. С. Эйвадис, перевод с немецкого воспоминаний Г. Шписа, 2023
- © Н. А. Зоркая, перевод с немецкого воспоминаний В. Марка, 2023
- © Н. Н. Федорова, перевод с немецкого воспоминаний А. Ценкера и предисловия В. Сартора, 2023
- © Ю. Васильков, дизайн обложки, 2023
- © ООО «Новое литературное обозрение», 2023

НЕМЕЦКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ (1800–1918): ЭКОНОМИКА — ИНТЕГРАЦИЯ — АДАПТАЦИЯ

Большие коммерческие перспективы в огромной стране, относительная легкость быстро заработать деньги, а вероятно, и возможность жить в этой полуазиатской стране на широкую ногу побудили его там обосноваться.

Андреас Ценкер

Контакты немецких купцов и предпринимателей с Россией имеют давнюю историю.

Географическая близость средневековой Германии и русских княжеств, в особенности Новгородского и Смоленского, способствовала тесным экономическим связям. Ганзейский союз, державший контору в Новгороде, этому благоприятствовал. Пушнина, воск, древесина, поташ, лен, конопля, юфть и металлы обменивались на текстиль и серебро. В XVIII в. этот обмен весьма вырос вследствие потребностей Петра I в промышленных товарах и вооружении. Первые металлургические и текстильные предприятия в России были основаны немцами.

С 1770-х гг. множество немецких крестьян стало переселяться на необжитые территории Причерноморья, что дало толчок развитию сельского хозяйства. В 1820–1830-е гг. новым импульсом к переселению послужил увеличившийся спрос на европейские промышленные товары. Создавалась и росла промышленность и в самой Российской империи. В сфере коммерции действовали либо активные уже в XVIII в. предпринимательские семьи (Штиглиц, Мас), либо многочисленные новые, искавшие там успеха. В первой половине XIX в. среди них можно назвать семейства Штиглиц, Кноп, Вогау — Марк, Брандт, Кёниг, Рабенек и Эйнем. Важное значение имела торговля такими импортными промышленными товарами, как текстильные изделия и станки, а позднее фабричное оборудование, красильное и химическое сырье, сахар-сырец, чай и кофе. К прежним статьям экспорта добавилось зерно.

С 1850–1860-х гг. начался поворот к промышленности, постепенно охвативший все отрасли: металлургию и горнодобывающую промышленность, текстильную, химическую, свекольносахарную, табачную, пищевую, электротехническую и нефтеперерабатывающую индустрию, а также банковский сектор. Доля немецких предпринимателей в промышленном производстве составляла порядка 10–20%. Существовали, конечно, и другие иностранные предприятия, в частности британские, а позднее французские, однако ведущее место занимали немцы.

Среди коммерсантов-немцев были как подданные России, так и такие, кто работал на немецких предприятиях («Сименс» и др.) и имел немецкое гражданство.

В целом эмиграция коммерсантов в первой половине XIX в. возросла. Так, в 1812–1876 гг. в Россию переехало около 530 000 немецкоязычных переселенцев. В совокупности лица немецкого происхождения (из германских государств, Австрии и Швейцарии) составили 90% от общего числа иммигрантов, то есть явно преобладали среди приезжающих иностранцев¹. В России насчитывалось тогда примерно 1,8 млн немецкоязычных жителей. Нередко чисто деловые поездки совмещались с постоянным или почти постоянным проживанием², причем новоприбывшие зачастую встречали здесь постоянно проживающих в России земляков³.

Причины эмиграции могли быть разными. Так, Кнопов, самую состоятельную семью немецких коммерсантов, подвигли к переезду в Россию чисто деловые интересы⁴. У Руперти толчком к эмиграции послужили неудачи в делах в Германии. Семейства Ахенбах, Юнкер, Вогау и Ценкер тоже были относительно бедны, когда перебрались в Россию.

«Жизнь в России зиждется отчасти на имущественном благоденствии, каковое обеспечивает им Россия и каковое они тщетно ищут в Германии»⁵. Это высказывание Д. В. Зольгау, сделанное в 1811 г., — попытка объяснить стремление немецких коммерсантов переселиться

¹ См.: *Ischchanian B.* Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913. S. 55–57.

² См.: *Schramm P.E.* Hamburg, Deutschland und die Welt. Hamburg, 1952.

³ *Idem.* S. 71.

⁴ См.: *Wolde A.* Ludwig Knoop. Erinnerungsbilder aus seinem Leben. Bremen, 1998. S. 10.

⁵ *Rudolphi E.* Unterhaltungen über Rußland. Altenburg, 1853. Bd. 2. S. 29.

в Россию. Вероятно, немецкие предприниматели или те, что еще только хотели стать таковыми и, пожалуй, оказались в России совершенно случайно, ощущали это абстрактное «благоденствие», находясь в Петербурге или в Москве. «Всех отпугивает немецкое обывательство, хотя они сами из него-то и вышли. Они бегут сюда и привозят его с собою, а вот того, что находят здесь, там ищут напрасно». Другой коммерсант писал: «Нет, говорит разбогатевший немецкий ремесленник, не хочу я каждый вечер пить пиво в немецком городишке и мусолить грязную колоду карт, не хочу каждые выходные принимать визит почтмейстера с его дочерьми, которые вдобавок воображают, будто оказывают мне огромную честь»⁶. Раздробленность Германии на мелкие государства, различные денежные системы и меры веса в них мешали торговле. В условиях идущей индустриализации, развития торговли и промышленности это было особенно тягостно. В России дело обстояло иначе, хотя и здесь хватало проблем.

В целом ситуация стала меняться со второй половины XIX в., по мере все большего объединения Германии в это время начинается сокращение эмиграции.

Рудольф Шпис называет еще ряд привлекательных сторон России: «Очень симпатичным было отсутствие строгих форм и формальностей <...> никому в голову не приходит в частном общении прибегать к титулованию собеседника...» Упоминает он и радушие: «Величайшее радушие, совершенно неизвестное в Германии, здесь само собою разумелось»⁷.

Словом, для многих коммерсантов общий климат был, судя по всему, благоприятным.

В России, однако, иностранец сталкивался со множеством проблем: коррумпированными бюрократами, скверной организацией дел, плохими дорогами, более холодным климатом. Правда, были и положительные аспекты: гостеприимство местных жителей и большие просторы страны, выгодно отличавшиеся от «тесноты» Германии. Эдуард Рудольфи писал: «На мой взгляд, в Санкт-Петербурге или в Москве сделки заключаются легче и быстрее, чем в каком-нибудь немецком

⁶ Idem. S. 30.

⁷ Spies R. Lebens-Erinnerungen 1874–1914 [1915] // Архив публикатора.

городишке <...>. Здесь есть необходимые связи, в любое время можно переговорить с купцами и чиновниками. Возможны даже встречи на дому. В Германии же только и слышишь, что тот, кого ищешь, “ушел в пивную”⁸.

Адаптироваться к нравам и традициям чужой страны было непросто. Показательны воспоминания Рудольфа Шписа о первом увиденном русском бале: «...один из первых балов, где я побывал, проходил в доме знаменитого текстильного фабриканта, г-на Саввы Морозова, который выстроил себе дом в псевдоготическом стиле. В самом начале первой моей зимы в этом городе я как-то раз, воротившись домой, обнаружил его визитную карточку и знать не знал, что́ это означает <...>, однако потом выяснил, что карточка означает приглашение сделать визит ему или его супруге, так как в скором времени она намеревалась дать большой бал». Рудольф Шпис, разумеется, отдал визит Морозовой, супруге одного из богатейших людей России. А после того отправился на бал: «...с доброй немецкой пунктуальностью явившись немногим позже назначенного времени, около 9, я поначалу был совершенно один, ведь и хозяйева еще одевались; я покуда не знал, что в Москве гостей на бал ожидают по меньшей мере на час, если не на два после назначенного времени, то бишь только в 10 или в 11 часов вечера, зато и заканчиваются балы редко раньше 5 утра, зачастую даже позднее...». На балу были «200 представителей московских промышленников и финансовой верхушки, дамы <...>. Никогда прежде я не видел подобной роскоши и пышности и на первых порах, учитывая вдобавок зрелище множества очаровательных молодых девушек и женщин, словно ослеп, так что, несмотря на вполне симпатичную наружность и безупречный английский фрак, казался себе ничтожным и уродливым. Однако это впечатление скоро улетучилось, отчасти благодаря <...> танцевальной музыке, а отчасти благодаря любезности и непринужденности, с какою все здоровались со мной, едва только меня представили как новоприбывшего...»⁹ Далее он описал превосходную, с его точки зрения, организацию праздника: те, кто не увлекался танцами, могли в боковых комнатах заняться карточной игрой, а также послушать выступление знаменитого певца Шаляпина. Около

⁸ *Rudolphi E.* Op. cit. S. 231–232.

⁹ *Spiess R.* Op. cit. S. 153.

часу ночи был подан «сказочный ужин», а закончилось все рано утром, в 5–6 часов. Русский бал произвел на него куда большее впечатление, чем подобные балы в Германии, откуда он только что приехал.

От поколения к поколению немецкие предприниматели все лучше узнавали обычаи и традиции русского народа и сами постепенно русифицировались, хотя имели место и противоречивые тенденции. Нередко приезжие немцы вначале входили в общество своих соотечественников или других иностранцев, а лишь потом налаживали отношения с местными жителями.

Адаптацию облегчал и тот факт, что по сравнению с другими приезжими немцы имели одну особенность: «*Ubi bene, ibi patria*» («Где хорошо, там отечество») — вот их принцип, тогда как у других иностранцев преобладал иной подход: «*Ubi patria, ibi bene*» («Где отечество, там хорошо»)¹⁰. Это утверждение Рудольфи характеризует различие между немцами и другими иностранцами. Другие иностранцы хотя и оставались в России надолго, но в большинстве своем твердо намеревались вернуться на родину. Имперские немцы жили главным образом в городах. Числом 470 тысяч, они на 82% были заняты в торговле и промышленности¹¹. В обеих столицах их доля среди крупного купечества составляла 20–25%¹².

Адаптация нарастала от поколения к поколению. Представители первого поколения преимущественно вращались в обществе соотечественников и были очень привязаны к родному языку (русским они не владели или владели слабо) и родной культуре. В последующих поколениях адаптация нарастала. Например, в семье Рабенек она шла очень быстро¹³.

Позднее адаптация усиливалась также благодаря политическим переменам: в школах эмигранты обязаны были изучать русский язык.

¹⁰ *Rudolphi E.* Op. cit. S. 30.

¹¹ *Idem.* S. 99.

¹² Подсчеты произведены по «Справочнику по лицам Санкт-Петербургского купечества» и «Справочнику по лицам Московского купечества».

¹³ См. статьи Л.Л. Рабенек в парижском журнале «Возрождение»: «Москва времени до Первой мировой войны» (1960. № 107); «Москва и ее хозяйева» (1960. № 105); «Московская хлопчатобумажная промышленность» (1963. № 135); «Незабываемое прошлое» (1964. № 149); «Хлопчатобумажная промышленность старой Москвы 1914 года» (1966. № 172; 1967. № 190); «Хлопчатобумажные мануфактуры Москвы и Подмосковья времени до Первой мировой войны» (1965. № 161, 162).

Обязательное введение русского языка привело к любопытному результату: с одной стороны, многие русские мальчики поступали в немецкие школы, чтобы лучше изучить немецкий язык, однако это привело и «к удивительно быстрой русификации немецкой молодежи: она учила немецкий как распространенный иностранный язык, владела только русским, думала — и чувствовала — только на русском»¹⁴. В немецких школах училось теперь растущее число русских¹⁵.

В результате ассимиляция усилилась. В 1910 г. один из учителей так высказался о немецких учениках: «Дети говорят на плохом немецком, дух немецкого языка им чужд, а если они говорят или пишут по-немецки, то, чтобы их понять, нужно буквально переводить немецкий на русский»¹⁶.

Немецкая церковь, впрочем, еще поддерживала национальное единство. Однако то, что дети от смешанных браков в обязательном порядке становились православными, по-прежнему действовало разъединяющим образом. Жесткость этого запрета несколько смягчилась в 1905 г. Число смешанных браков в церкви Св. Петра и Павла в 1842–1902 гг. колебалось в пределах 25–37%¹⁷. В целом доля смешанных браков возрастала, поскольку принцип брака как делового договора начиная с 1890-х гг. устаревал и утрачивал строгость¹⁸.

Наряду с церковью и школами существовало несколько немецких социальных учреждений, которые также поддерживало купечество, например Евангелический госпиталь в Москве, Евангелическое общество вспомоществования и другие, в том числе Союз имперских немцев и Московский немецкий клуб¹⁹.

¹⁴ С. 152 настоящего издания.

¹⁵ См.: *Найденов Н. Н.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. Т. 1. С. 84; *Busch M.* Deutsche in St.-Petersburg 1865–1914. Essen, 1995. S. 150–151.

¹⁶ *Busch M.* Op. cit. S. 168.

¹⁷ См.: *Namentliches Verzeichnis der im Jahre ... Geborenen, Getauften, Confirmirten und Getrauten bei der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauli Kirche.* Moskau, 1843–1903; *Berichte des Kirchenrathes der Evangelisch-Reformirten Kirche in Moskau.* Moskau, 1874–1905.

¹⁸ См.: *Сартор В.* Немецкие предприниматели Санкт-Петербурга: семья и конфессиональная структура, 1815–1914 гг.; этническая и религиозная среда // *Экономическая история: ежегодник.* 2010. М., 2010. С. 75.

¹⁹ См.: *Erster Jahresbericht über die Leistungen des Evangelischen Hospitals in Moskau.* М., 1876–1914; *Moskauer Deutsche Zeitung.* 22.6.1878. № 71. С. 322; 20.2.1879. № 20. С. 95; 5.3.1883. № 85. С. 358; 9.4.1887. № 79. С. 303.

Леон и Альберт, старшие братья одного из авторов этой книги — Георга Шписа, — осознавали себя немцами, оба были немецкими офицерами-резервистами. Зато у его третьего брата, Рудольфа, значительно младше, тенденции к ассимиляции уже куда заметнее. В соответствии со своей русофилией, касавшейся многих явлений повседневной жизненной культуры в России, он называл эту страну своей второй родиной.

Руперти даже воевал как русский офицер против немецкой армии. Свои воспоминания он начинает словами: «Моя семья по происхождению немецкая. Сам я родился в 1897 г. в Москве как русский, поскольку отец мой принял российское подданство. Тесных связей с немецкой колонией в Москве мы не поддерживали»²⁰, однако после Первой мировой войны был вынужден покинуть Россию, поскольку прекрасно понимал, что должен уехать из страны не столько по причине немецкого происхождения, сколько потому, что принадлежит к крупной буржуазии. Некоторые выездные документы он смог получить только в немецкой миссии, где служил его дядя Эрнст Руперти, в прошлом московский купец. Там он вновь столкнулся с кризисом идентичности. В ответ на его просьбу брат отца сказал: «Ты — русский офицер, я — немецкий. И ты должен понимать, что...». Руперти пишет: «Я ничего не понимал и словно упал с небес на землю»²¹. Мы видим, что конфликт, связанный с национальным самоопределением, затрагивал самый узкий семейный круг.

Петербургский учитель, немец Х. Пантениус, подтверждает это. В 1930 г. он вспоминал, что немцев «очень быстро поглощало русское <...>. Дети сравнительно недавних иммигрантов зачастую говорят друг с другом только по-русски...», и возмущался, что «родители не только допускают это, но и сами говорят со своими отпрысками на ломаном русском»²².

Еще один аспект идентичности немецких предпринимателей в России — их космополитизм, естественный в особенности для элиты, которая действовала преимущественно на международной арене. Они ощущали себя не русскими и не немцами, но гражданами мира, членами российской финансовой элиты, которая уже в XIX в. имела международный характер.

²⁰ *Rupert A. Erlebtes in Rußland* (машинопись) // Частный архив. С. 1.

²¹ Там же. С. 70.

²² *Wolde A. Op. cit.* S. 12.

При этом вплоть до Первой мировой войны гражданство, по всей видимости, играло незначительную роль. Были немцы натурализованные, принявшие российское гражданство, и немцы имперские. В принципе это не составляло разницы, как упоминал Рудольф Шпис: «Когда я приехал в Москву, “немецкая колония” состояла уже большей частью из российских подданных. Хотя они любили и ценили Россию как свою новую родину, чувствовали себя русскими и шли воевать за Россию, “настоящие русские” по-прежнему считали их немцами <...> что связано с обычно сохранным евангелическим или римско-католическим вероисповеданием; полностью русскими они считались — да и то условно, — только когда переходили в православие; собственно, опять-таки лишь те, кто вдобавок сменил немецкую фамилию на русскую, могли быть уверены, что в них видят русских, и опять-таки только они не пострадали в немецких погромах 1915 года <...> Здесь я, пожалуй, должен добавить, что до 1914 года переход в другую национальность вовсе не считался очень важным и значительным <...> и переход из немецкого подданства в российское едва ли имел большее значение, чем, например, переход из саксонского подданства в прусское. Иными словами, человек, решившийся на это, отнюдь не был “не имеющим отечества” <...> просто он нашел в России новую и милую родину...».

Однако Роберт Шпис в своей статье подчеркивал: «В нравах и религиозных обычаях <...> все [немцы] одинаковы...»²³.

Любопытно проследить, в какой мере деловая культура немцев сближалась с местной.

Рудольфи отзывался о российской деловой жизни в целом положительно: «Жить и давать жить другим — вот торговый и жизненный принцип, и он работает. В России приобретение права собственности еще возможно»²⁴. Здесь определенную роль играл интересный для коммерсантов факт, что в противоположность Германии в России еще можно было получать довольно крупную прибыль.

«Бесспорно, среди русских малоимущий новичок в ремесле находится в более благоприятных условиях, чем в Германии, благодаря помощи, какую ему охотно оказывают [русские] купцы»²⁵.

²³ Moskauer Deutsche Zeitung. 1879. № 21. S. 100.

²⁴ Rudolphi E. Op. cit. S. 33.

²⁵ Idem. S. 32.

Сходным образом высказался и Георг Шпис в 1920-е гг.: «С тех пор я познакомился с деловой психологией и методами большинства европейских стран, а также Америки и должен откровенно заявить, что нигде не работалось так приятно и легко, как с московским крупным купечеством 90-х годов»²⁶. «При заключении сделок даже на очень крупные суммы они не требовали письменных подтверждений, не говоря уже о нотариальном договоре; устной договоренности было для них достаточно»²⁷.

В настоящее издание включены воспоминания Георга Шписа, Вальтера Марка и Андреаса Ценкера, коммерсантов немецкого происхождения, которые жили и работали в Российской империи в XIX и в начале XX в.

Георг Шпис (1861–1926)

Георг Шпис родился в 1861 г. в Москве, в семье купца Роберта Шписа, основавшего в Петербурге и Москве солидный торговый дом «Шпис и Штукен». Происходила эта семья из города Эльберфельд на востоке Рейнской области. Фирма работала в нескольких отраслях. В 1850-е гг. она занималась импортом красильного сырья, в частности индиго, а также табака и хлопка. Фирма быстро вошла в число ведущих экспортеров и импортеров империи, в 1858 г. она была вообще крупнейшим российским импортером. На Украине, в Киеве и Подольске, ей принадлежали сахарные фабрики, например Киевский сахарорафинадный завод и товарищество «Яроповице». Шпис был тогда одним из самых значительных производителей сахара. В Петербурге он владел табачной и сигаретной фабрикой «Лаферм», первой в мире сигаретной фабрикой. В 1868 г. в состав фирмы вошла крупная красильная фабрика «Франц Рабенек». В России Шпис входил в круг немецко-российских предпринимателей, среди которых нельзя не назвать весьма важные предпринимательские семейства Вогау, Кноп, Юнкер, Марк, Рабенек, Банза, Штукен. С ними Шписа связывали и тесные родственные узы. Основная деятельность постепенно переместилась в Москву, в Петербурге же главной базой остался «Лаферм».

²⁶ С. 135 настоящего издания.

²⁷ *Wolde A. Op. cit. S. 40.*

Торговый дом продолжал расти и развиваться вплоть до Первой мировой войны, в 1880-е гг. он инвестировал в металлургию, волжский транспорт и, наконец, в нефтяную отрасль. Среди представителей семьи наряду с основателем, Робертом, надо назвать его сыновей Альберта (1859–1929), Леона (1858–1921) и Рудольфа (1874–1958), а также племянника Эрнста Шписа (1849–1917).

Временно уехав в Дрезден, Георг Шпис в 1889 г. по приглашению московского кузена Эрнста вернулся в Россию и занялся волжскими нефтеперевозками. Следующим объектом стало Товарищество мышегских рудников, которое он продал бельгийской металлургической компании «Hauts Fourneaux de Toula» («Тулские доменные печи»). Возникла новая фирма «Шпис, Штукен и К^о». В итоге Георг создал многостороннее дело, которое включало металлургию, текстильную химию, торговлю хлопком и пряжей, маслوبيю, торф, а позднее нефть²⁸.

Георг Шпис начал вкладывать капитал в еще сравнительно молодой нефтяной район в Грозном²⁹. Так появился синдикат «Терек», а затем весьма значительная Spies Petroleum Company Ltd. («Нефтяная компания Шписа») (1900).

Кризис для Георга и всего торгового дома наступил в ходе общеэкономического кризиса 1900–1901 гг. Они много потеряли на акциях Société anonyme des Hauts Fourneaux de Toula, рухнувших на брюссельской бирже, а именно эти акции составляли значительную часть их основного капитала. Синдикат «Казбек» в Грозном Георг сумел спасти. За финансированием он обратился в Немецкий банк (Deutsche Bank), и директор банка, Артур фон Гвиннер, не только предоставил ему необходимый кредит, но и предложил пост генерального директора купленной банком румынской нефтяной компании Steaua Romana.

В должности генерального директора «Акционерного нефтяного общества Стяуа романа» начинается новый стремительный карьерный взлет Шписа. Затем он стал директором Европейского нефтяного союза (Немецкий банк, Нобель и Ротшильд), конкурировавшего с рокфеллеровской «Стандард ойл компани», которая в те годы во многом контролировала европейский нефтяной рынок. В 1909 г.

²⁸ Spies R. Op. cit. S. 77.

²⁹ Gerretson F. C. History of the Royal Dutch. Leiden, 1953. T. 3. P. 155.

у Шписа возникли разногласия с Немецким банком, в результате которых он в 1910 г., оставив все посты, ушел в отставку. Затем он возглавлял энергетический концерн «Продуголь», а в 1912 г. входил в состав директората лондонской компании «Эмба», добывавшей нефть на северном побережье Каспийского моря. Когда началась Первая мировая война, он находился в Лондоне. В Петроград он еще раз вернулся в 1922 г.

В годы Первой мировой войны Георг Шпис, сотрудничая с посольством в Бухаресте, управлял нефтяной промышленностью на оккупированной территории³⁰. В Хельсинки и в Берлине он владел фирмой, занимавшейся нефтяными сделками. Были у него и деловые контакты с правительством РСФСР, которое предлагало ему важный пост в нефтяной промышленности, но он отказался³¹. На жизненные и экономические взгляды Георга Шписа наложило свой отпечаток происхождение из кальвинистской купеческой семьи³². Семейный уклад тяготел к скромности и благоприятствовал рациональному и экономному образу жизни, что способствовало развитию дела. Ни Георг, ни его братья не принадлежали, однако, к числу фанатичных поборников кальвинистско-пиетистской идеологии. Они, конечно, поддерживали финансово свою реформированную церковь, но в их записках особая набожность не играет роли. Георг характеризует своего отца как человека «толерантного» и вполне отдает себе отчет, в чем состоит отличие от «ультра»-пиетистов. Тем не менее возобладали экономический дух, «протестантская этика» (по Макс Веберу)³³.

Уверенный в себе, Георг рассматривает свою коммерческую деятельность как успешную и амбициозную, но при этом вполне самокритичен.

³⁰ См.: *Spies G. Rumänische Erinnerungen* [Румынские воспоминания]. Кар. 3. Рукопись // *Archiv Ernst und Georg Spies, Traben-Trarbach*.

³¹ См.: *Lebenserinnerungen von Robert C. Spies (Russischer Zweig)* // *Familien-Zeitung Spieß und Spies*. 1970. № 59. S. 241. Тут говорится, что Шпису предлагали пост наркома по нефти, но этого быть не могло, так как и поста такого не было, и иностранцу не доверили бы пост в правительстве. Тем не менее предложение работать специалистом-нефтяником (в рамках общего привлечения во время НЭПа бывших иностранных предпринимателей и специалистов) он вполне мог получить.

³² См.: *Zunkel F. Der Rheinisch-Westfälische Unternehmer 1834–1879. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Bürgertums im 19. Jahrhundert*. Köln-Opladen, 1962. S. 67.

³³ См.: *Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма* / Пер. с нем. М. Левиной. М., 2020.

К российской деловой жизни он относился с определенной критичностью, но и с симпатией и постепенно в нее интегрировался. «Г-н Шпис обрел очень выгодное положение в России, своей родной стране...»³⁴

Отчетливо звучащая в его мемуарах критика Российской империи учитывает и опыт, и последствия событий 1917–1918 гг.

Шпис был крупной фигурой и на международной арене: был близко знаком с французским политиком П. Думером, министром иностранных дел Германии А. фон Кидерлен-Вехтером и с Э. Людендорфом, занимавшим в годы Первой мировой войны руководящий пост в германском генштабе. В России он знал таких важных особ, как председатели кабинета министров С.Ю. Витте и В.Н. Коковцов и министр торговли С.И. Тимашев³⁵. Умер Шпис в 1926 г.

Георг Шпис обладал выдающимся управленческим талантом, отличаясь знанием деталей, энтузиазмом и организаторскими способностями. При этом у него были и отрицательные качества — непомерное честолюбие и склонность к спекуляциям. Словом, он являлся типичным представителем эпохи грюндерства.

Вальтер Марк (1873–1950)

Вальтер Марк с 1893 г. был членом дома Вогая и одноименного концерна. Происходили Марки из города Арользен, где были придворными факторами князя Вальдека³⁶. В конце XVIII в. они переселились в Россию. Брачные узы тесно связали их с Людвигом Штиглицем, основателем Российского государственного банка. От Альберта Карла (1794–1850) и Филиппа Августа (1804–1876) пошли две важнейшие семейные линии российских Марков³⁷.

³⁴ Письмо Гвиннера Моравицу от 24 ноября 1910 г. // Historisches Archiv der Deutschen Bank. Sekretariat. EPU. Akte 1633.

³⁵ Там же.

³⁶ *Schnee H.* Die Hoffinanz und der moderne Staat. Geschichte und System der Hoffaktoren an deutschen Fürstenhöfen im Zeitalter des Absolutismus. Berlin, 1955. Bd. 3. S. 87–93, особенно S. 88–89.

³⁷ Генеалогические данные о Марках и Штиглицах основаны на: *Heidsieck A.* Die Arolser Familie Marc. Bückeburg, 1956; и на генеалогическом древе Wogay: Stammtafel von Wogau. Genealogisches Handbuch des Adels. Adelige Häuser B. 1985. Bd. 16. S. 495 и далее.

Фирма Альберта Марка стала первым крупным коммерческим предприятием семьи Марк в России³⁸.

Еврейские корни уже, видимо, не играли для Марка большой роли. Как и Штиглицы, Марки приняли христианство еще в XVIII — начале XIX в.

С 1850-х гг. Марки породнились с членами семьи Вогау и другими семьями этого торгового дома, например с Шумахером и Рюхардтом, а затем начались и их деловые взаимоотношения. Вообще в ходе своей почти столетней истории (1840–1918) фирма «Вогау и К°» достигла в Российской империи поистине удивительного размаха.

Дом Вогау развивался в нескольких направлениях: изначально, в 1840–1860-х гг., компания росла за счет импорта чая и хлопка-сырца. В 1865 г. дом вложил средства в свое первое промышленное предприятие, бумажную фабрику Говарда, после чего в 1870–1890-е гг. последовали многочисленные инвестиции в сахарную, металлургическую, а в особенности в медную, содохимическую, текстильную, цементную и нефтяную отрасли. В Москве и Лондоне у него был собственный банкирский дом. К 1914 г. «Вогау и К°» были в России одним из крупнейших предприятий, в которое полноправно и активно входила семья Марк. Более того, «Вогау и К°» оставалась под самым непосредственным контролем семьи. Все остальные совладельцы в первую очередь происходили из семей фон Вогау и Марк. После смерти Карла Генриха фон Вогау в 1870 г. в фирму вошел совладельцем Мориц Марк (1873). Членами компании были Максимилиан (1853–1895), Отто Вогау (1844–1904), Гуго Марк (1869–1918) и, наконец, с 1900 г. Вальтер, брат Гуго. По второй линии туда входили семьи Шумахер, Банза, Герман и Рюхардт, опять-таки состоявшие в близком родстве с фон Вогау и Марками.

Семья Марк прижилась в России и активно участвовала в общественной жизни. Ее члены поддерживали социальные учреждения, например Евангелическое общество вспомоществования и др., причем не только финансово.

Первая мировая война и революция привели к серьезным последствиям для «Вогау и К°» и дома Марка. Война, антинемецкие погромы

³⁸ См.: *Нистрем К. М.* Адрес-календарь жителей Москвы. М., 1846; То же. М., 1849. Ч. 2. С. XIII. Жил А. Марк в районе Мясницкой улицы.

и антинемецкое законодательство обременяли компанию Вогау и материально, и психологически. Революция положила конец торговому дому «Вогау и К^о», в результате почти все связанные с Вогау семейства России покинули страну, чем окончательно завершилось пребывание там и Марка³⁹. С остатками состояния — в особенности Лондонского банка и компенсации Германской империи⁴⁰ — они начали заново, создав в тяжелых экономических и политических условиях, в каких жила в 1920-е гг. побежденная Германия, компанию БРАМАРКО.

Мемуары Вальтера Марка были написаны в 1942 г. по инициативе его тетки Фанни Рюхардт⁴¹ и повествуют о его жизни начиная с детства в России и Германии, о его деятельности в фирме «Вогау и К^о» в России в эпоху экономического подъема.

Андреас Ценкер (Андрей Иосифович; 1855–1928)

Семья Ценкер родом из Богемии. Первый из Ценкеров, Андреас (1764–1838), стекольщик по профессии, приехал в Москву еще во второй половине XVIII в. По-видимому, семья сумела быстро достичь успеха, ведь уже около 1810 г. Ценкеры принадлежали к числу крупнейших немецких купцов в России. В первой половине XIX в. Ценкеры стали одним из ведущих банкирских домов Москвы. Поэтому Андреас Ценкер, активно действовавший в 1880–1917 гг., очень хорошо ориентировался в российской деловой жизни и в финансовой элите — по его словам, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения занятых там людей. Сам мемуарист в 1890-е г. возглавлял частный банк «Ценкер и К^о», а затем, перейдя в крупный Санкт-Петербургский международный

³⁹ Исключение составлял Максим Гутович Марк (1895–1938), сын Гуго Марка; он восторженно приветствовал революцию, занимался научной работой, а в 1930-х гг. возглавлял кафедру радиоприемных устройств в Инженерно-технической академии связи. В 1938 г. он пал жертвой репрессий, в 1996 г. реабилитирован. См.: *Petrov Ju. A. Das Handelshaus Wogau & Co. in Moskau, Eine grosse Zukunft // Deutsche in Russlands Wirtschaft. M.; Berlin, 2000. S. 168, 174.*

⁴⁰ По соглашению между Германией и Россией 27 августа 1918 г. был создан особый фонд, из которого совладельцы дома Вогау до ноября 1918 г. получили 3,7 млн руб. (Макс фон Вогау — 2 млн, Рюхардт — 1,4 млн, Гуго Марк — 255 тыс. руб.) по довоенному курсу, то есть ок. 7 млн марок. См.: *Petrov Ju. A. Op. cit. S. 408.*

⁴¹ Фанни фон Вогау (1854–1946), дочь Карла Генриха фон Вогау, была замужем за Георгом Рюхардтом (1851–1922).

коммерческий банк, сделал свой банк его московским филиалом. В результате он расширил собственный кругозор.

Ценкер рассказывает об эпохе роста российской экономики и, так сказать, на своем материале анализирует экономическое развитие России.

Судьба сурово обошлась с ним. Подобно другим очень состоятельным российским предпринимателям, он поневоле оказался в других географических и материально худших обстоятельствах. Несмотря на немецкое происхождение, он тоже считал себя эмигрантом. Финляндское гражданство, которое Ценкеры имели с 1830-х гг., уже отрезало их от немецких корней. Следует отметить, что свои письма Ценкер писал в 1926 г. из Парижа. В 1920-м он, одолев немало препон, выехал из России и поселился там. Причина однозначна: в Париже (прежде всего в XVI округе) проживало большинство его знакомых, в том числе Рабенек и Путилов. Потомки его остались в Париже, стали адвокатами, как, например, внук Константин. Опубликовать свои воспоминания Андреас Ценкер не успел, в 1928 г. он скончался в Париже. Примечательно, что на могильной плите в Париже отсутствует дворянская частица. Он и сам почти ею не пользуется, вероятно, как и многие другие дворяне-предприниматели, не придавая ей большого значения.

Многие особенности экономики, для которой весьма характерен жесткий контроль государства при наличии чиновно-бюрократического управления, каковое действовало не слишком эффективно, выступают в рассказе Ценкера весьма ярко и выразительно. Например, он упоминает важную роль государства в строительстве железных дорог и в финансовой политике.

Письма Андреаса Ценкера Георгу Шпису 1926 г. впервые были опубликованы по-немецки в 2004 г.⁴² В них Ценкер описывает свою семью и свое предприятие, а далее речь идет о развитии отдельных отраслей российской экономики.

На первом месте у него банки, затем идет строительство железных дорог, с которыми банки по причине выдачи кредитов были тесно связаны, затем — текстиль, экспорт зерна, сахар, импорт чая, сельское хозяйство, химия, металлургия, электротехника, а также нефть. Становится ясно, что главную роль играли текстильная промышленность,

⁴² Sartor W. Das Handelshaus Spies. Die deutsche Unternehmerfamilie Spies in Russland und Europa 1846–1918: Ein internationales Unternehmen um die Jahrhundertwende // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1996. № 2. S. 147–178.

сахарорафинадная отрасль и экспорт зерна. В особенности заметен быстрый рост нефтедобычи.

Он также учитывает национальные группы в экономике — немцев, англичан, французов, итальянцев, армян, евреев и греков.

Местами повествование прерывают или дополняют общие рассуждения, содержащие замечания касательно большевиков, нуворшей, а порой и антисемитские высказывания. Публикатор не разделяет взгляды Ценкера, но информация о них может представлять интерес для исследователей антисемитизма.

Определенную роль в антисемитизме Ценкера, вероятно, сыграл чрезвычайно негативный личный опыт в годы революции, которой, как он считал, во многом руководили евреи. Вообще, именно революция была причиной усиления подобных тенденций в России, и к таким же негативным последствиям в Германии привело ее поражение в Первой мировой войне.

Путь писем был весьма сложен: судя по всему, от Георга Шписа, скончавшегося в том же 1926 г., они попали в Хельсинки к Бруно Шпису, его племяннику, работавшему в этом городе. Бруно Шпис в свою очередь передал их вместе с другими материалами, относящимися к комплексу запланированной истории предприятия Шписов, Эрику Амбургеру (1907–2001), крупному специалисту по истории российских предпринимателей. Эрик Амбургер передал письма публикатору.

Воспоминания Георга Шписа, Вальтера Марка и Андреаса Ценкера были по отдельности изданы Вольфгангом Сартором в 2002–2004 гг.⁴³ Теперь русские переводы объединены в один том. За возможность такой публикации хочу поблагодарить московское издательство «Новое литературное обозрение», в особенности А.И. Рейтблата. Следует назвать и имя Михаила Белопухова, который в 2000-е гг. отредактировал и сверстал переведенные в настоящем сборнике немецкоязычные издания публикуемых мемуаров.

Вольфганг Сартор

⁴³ *Spies G. Erinnerungen eines Ausland-Deutschen / Nach der Original-Ausgabe von 1926 und dem nachgelassenen Original-Manuskript bearbeitet und neu herausgegeben von Wolfgang Sartor. St. Petersburg: Olearius Press, 2002; Marc W. Erinnerungen eines Unternehmers im Moskauer Wogau-Konzern / Herausgegeben von Wolfgang Sartor und Elisabeth Edle von Seyfried. St. Petersburg: Olearius Press, 2004; Zenker A. Geschäftiges Russland: Erinnerungen eines Bankiers / Hrsg. und kommentiert von Wolfgang Sartor. St. Petersburg: Olearius Press, 2004.*